

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146644

Аннотация

«Доктор приложил трубку к голой груди больного и стал слушать: большое, непомерно разросшееся сердце неровно и глухо колотилось о ребра, всхлипывало, как бы плача, и скрипело. И это была такая полная и зловещая картина близкой смерти, что доктор подумал: «Однако!», а вслух сказал:

– Вы должны избегать волнений. Вы занимаетесь, вероятно, каким-нибудь изнурительным трудом?..»

Содержание

I	4
II	6
III	8
IV	10
V	11

Леонид Андреев

Книга

I

Доктор приложил трубку к голой груди больного и стал слушать: большое, непомерно разросшееся сердце неровно и глухо колотилось о ребра, всхлипывало, как бы плача, и скрипело. И это была такая полная и зловещая картина близкой смерти, что доктор подумал: «Однако!», а вслух сказал:

– Вы должны избегать волнений. Вы занимаетесь, вероятно, каким-нибудь изнурительным трудом?

– Я писатель, – ответил больной и улыбнулся. – Скажите, это опасно?

Доктор приподнял плечо и развел руками.

– Опасно, как и всякая болезнь... Лет еще пятнадцать – двадцать проживете. Вам этого хватит? – пошутил он и, с уважением к литературе, помог больному надеть рубашку. Когда рубашка была надета, лицо писателя стало слегка синеватым, и нельзя было понять, молод он или уже совсем старик. Губы его продолжали улыбаться ласково и недоверчиво.

– Благодарю на добром слове, – сказал он.

Виновато отведя глаза от доктора, он долго искал глазами, куда положить деньги за визит, и, наконец, нашел: на письменном столе, между чернильницей и бочонком для ручек, было уютное, скромное местечко. И туда положил он трехрублевую зелененькую бумажку, старую, выцветшую, взлохматившуюся бумажку.

«Теперь их новых, кажется, не делают», – подумал доктор про зелененькую бумажку и почему-то грустно покачал головой.

Через пять минут доктор выслушивал следующего, а писатель шел по улице, щурился от весеннего солнца и думал: почему все рыжие люди весной ходят по теневой стороне, а летом, когда жарко, по солнечной? Доктор тоже рыжий. Если бы он сказал пять или десять лет, а то двадцать – значит, я умру скоро. Немного страшно. Даже очень страшно, но...

Он заглянул к себе в сердце и счастливо улыбнулся. Как светит солнце! Как будто оно молодое, и ему хочется смеяться и сойти на землю.

II

Рукопись была толстая; листов в ней было много; по каждому листу шли маленькие убористые строчки, и каждая из них была частицею души писателя. Костлявою рукою он благоговейно перебирал страницы, и белый отсвет от бумаги падал на его лицо, как сияние, а возле на коленях стояла жена, беззвучно целовала другую костлявую и тонкую руку и плакала.

– Не плачь, родная, – просил он, – плакать не нужно, плакать не о чем.

– Твое сердце... И я останусь одна во всем мире. Одна, о боже!

Писатель погладил рукою склонившуюся к его коленям голову и сказал:

– Смотри.

Слезы мешали глядеть ей, и частые строки рукописи двигались волнами, ломались и расплывались в ее глазах.

– Смотри! – повторил он. – Вот мое сердце. И оно навсегда останется с тобою.

Это было так жалко, когда умирающий человек думал жить в своей книге, что еще чаще и крупнее стали слезы его жены. Ей нужно было живое сердце, а не мертвая книга, которую читают все: чужие, равнодуш-

ные и нелюбящие.

Книгу стали печатать. Называлась она «В защиту обездоленных».

Наборщики разорвали рукопись по клочкам, и каждый набирал только свой клочок, который начинался иногда с половины слова и не имел смысла. Так, в слове «любовь» – «лю» осталось у одного, а «бовь» досталось другому, но это не имело значения, так как они никогда не читали того, что набирают.

– Чтоб ему пусто было, этому писаке! Вот анафемский почерк! – сказал один и, морщась от гнева и нетерпения, закрыл глаза рукою. Пальцы руки были черны от свинцовой пыли, на молодом лице лежали темные свинцовые тени, и когда рабочий отхаркнулся и плюнул, слюна его была окрашена в тот же темный и мертвенный цвет.

Другой наборщик, тоже молодой – тут старых не было – вылавливал с быстротою и ловкостью обезьяны нужные буквы и тихонько пел:

Эх, судьба ли моя черная,
Ты как ноша мне чугунная...

Дальше слов песни он не знал, и мотив у него был

свой: однообразный и бесхитростно печальный, как шорох ветра в осенней листве.

Остальные молчали, кашляли и выплевывали темную слюну. Над каждым горела электрическая лампочка, а там дальше, за стеною из проволочной сетки, вырисовывались темные силуэты отдыхающих машин. Они выжидательно вытягивали узловатые черные руки и тяжелыми, угрюмыми массами давили асфальтовый пол. Их было много, и пугливо прижималась к ним молчаливая тьма, полная скрытой энергии, затаенного говора и силы.

IV

Книги пестрыми рядами стояли на полках, и за ними не видно было стен; книги высокими грудями лежали на полу; и позади магазина, в двух темных комнатах, лежали все книги, книги. И казалось, что безмолвно содрогается и рвется наружу скованная ими человеческая мысль, и никогда не было в этом царстве книг настоящей тишины и настоящего покоя.

Седобородый господин с благородным выражением лица почтительно говорил с кем-то по телефону, шепотом выругался: «идиоты», и крикнул:

– Мишка! – и, когда мальчик вошел, сделал лицо неблагородным и свирепым и погрозил пальцем. – Тебе сколько раз кричать? Мерзавец!

Мальчик испуганно моргал глазами, и седобородый господин успокоился. Ногой и рукой он выдвинул тяжелую связку книг, хотел поднять ее одною рукою – но сразу не мог и кинул ее обратно на пол.

– Вот отнеси к Егору Ивановичу.

Мальчик взял обеими руками за связку и не поднял.

– Живо! – крикнул господин.

Мальчик поднял и понес.

V

На тротуаре Мишка толкал прохожих, и его погнали на середину улицы, где снег был коричневый и вязкий, как песок. Тяжелая кipa давила ему спину, и он шатался; извозчики кричали на него, и когда он вспомнил, сколько ему еще идти, он испугался и подумал, что сейчас умрет. Он спустил связку с плеч и, глядя на нее, заплакал.

– Ты чего плачешь? – спросил прохожий.

Мишка плакал. Скоро собралась толпа, пришел сердитый городской с саблей и пистолетом, взял Мишку и книги и все вместе повез на извозчике в участок.

– Что там? – спросил дежурный околоточный надзиратель, отрываясь от бумаги, которую он составлял.

– Неподсильная ноша, ваше благородие, – ответил сердитый городской и ткнул Мишку вперед.

Околоточный вытянул вверх одну руку, так что сустав хрустнул, и потом другую; потом поочередно вытянул ноги в широких лакированных сапогах. Глядя боком, сверху вниз, на мальчика, он выбросил ряд вопросов:

– Кто? Откуда? Звание? По какому делу?

И Мишка дал ряд ответов:

– Мишка. Крестьянин. Двенадцать лет. Хозяин послал.

Околоточный подошел к связке, все еще потягиваясь на ходу, отставляя ноги назад и выпячивая грудь, густо вздохнул и слегка приподнял книги.

– Ого! – сказал он с удовольствием.

Оберточная бумага на краю оборвалась, околоточный отогнул ее и прочел заглавие: «В защиту обездоленных».

– Ну-ка, ты, – позвал он Мишку пальцем. – Прочти.

Мишка моргнул глазами и ответил:

– Я неграмотный.

Околоточный засмеялся:

– Ха-ха-ха!

Пришел небритый паспортист, дыхнул на Мишку водкой и луком и тоже засмеялся:

– Ха-ха-ха!

А потом составили протокол, и Мишка поставил под ним крестик.

1901 г.